

УДК 811.511.131

А. В. Камитова, Н. В. Пислегин, В. С. Чураков

## Удмуртская топонимическая лексика в памятниках русской письменности XVI – первой четверти XVIII в.<sup>1</sup>

*Аннотация.* В статье анализируется удмуртский лексический материал, выявленный в памятниках письменности, составленных на русском языке в XVI – первой четверти XVIII в. Реалии удмуртского языка были извлечены из различных документов: грамоты 1511 г., материалов писцовых и подворных переписей Каринского стана Вятской земли (1615, 1629, 1646, 1662, 1678, 1701, 1717 гг.) и подворной переписи удмуртских сотен Арской дороги Казанского уезда (1716 г.). В результате работы с архивными источниками и опубликованными материалами выяснилось, что в локальных русских памятниках письменности XVI – первой четверти XVIII в. содержатся записи удмуртских слов, относящихся, прежде всего, к областям антропонимии и топонимии. В ходе исследования было выявлено, что участвовавшие в назывании географических объектов удмуртские апеллятивы достаточно разнообразны, среди них встречаются как наиболее продуктивные, так и малопродуктивные. В работе установлены способы образования ойконимов и гидронимов, прослежены определенные закономерности в их структурных моделях, выделены характерные особенности графической фиксации удмуртских звуков составителями документов. Содержащиеся в памятниках русской письменности XVI – начала XVIII в. включения удмуртской лексики отражают соответствующий этап развития удмуртского языка. Таким образом, вводимый в научный оборот лингвистический материал позволит дополнить и расширить источниковую базу удмуртского языкознания.

*Ключевые слова:* памятник письменности, русская письменность, кириллица, удмуртский язык, удмуртская лексика, апеллятив, топоним.

A. V. Kamitova, N. V. Pislegin, V. S. Churakov

## Udmurt toponymic vocabulary in the Russian written monuments of 16th – the first quarter of the 18th century

*Abstract.* The article deals with the analysis of the Udmurt lexical material, identified in the written records made in the Russian language in the 16th – the first quarter of 18th centuries. The studied realities of the Udmurt language were taken from various documents: charter of 1511, the materials of homestead census of Karinsky district of Vyatka area (1615, 1629, 1646, 1662, 1678, 1701, 1717) and Udmurt homestead census on Arsk road of Kazan area (1716). As a result of working with archival sources and published materials it became clear that local Russian literary texts of the 16th – the first quarter of 18th centuries contains records of the Udmurt words related primarily to the areas of anthroponomy and toponymy. The study found that Udmurt appellatives participating in the naming of geographical objects are quite diverse, there are productive and unproductive ones. As a result of research the ways of placenames and gydronyms formation are established, certain patterns in their structural models are traced; characteristics of graphic recording of the Udmurt sounds made by the drafters are highlighted. The Udmurt words contained in Russian literary texts of 16th – the beginning of the 18th centuries reflect the stage of the Udmurt language development. Thus, linguistic material introduced for scientific use will allow adding and expanding the source base of the Udmurt linguistics.

*Key words:* literary texts, Russian alphabet, Cyrillic, Udmurt language, Udmurt vocabulary, appellative, toponym.

<sup>1</sup> Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ 15-04-00086 «Удмуртская лексика в памятниках русской письменности XVI – первой четверти XVIII в.».

Памятники русской письменности, будучи бесценными культурно-историческими артефактами и свидетельствами развития русского языка, выступают также в качестве уникального лингвистического источника для изучения целого ряда старописьменных, младописьменных и бесписьменных языков народов нашей страны и зарубежья. Как справедливо отмечает А. С. Чикобава, «документация большей или меньшей давности по бесписьменным и младописьменным... языкам... актуальна как с точки зрения истории... языков, так и в плане общелингвистическом для анализа труднейших вопросов теории исторического развития языков» [1, 98]. Для удмуртской лингвистики, объектом изучения которой является язык с непродолжительной до-революционной письменной традицией<sup>2</sup> [2; 3], особую ценность представляют локальные памятники русской письменности XVI – первой четверти XVIII в., т. е. со времени вхождения удмуртских земель в состав Русского государства и до начала целенаправленного описания удмуртского языка представителями науки и церкви<sup>3</sup>.

Необходимость в администрировании и хозяйственном освоении территории, населенной удмуртами, неизбежно способствовала проникновению удмуртских лингвистических реалий в текст документов, составленных на русском языке. В результате работы с архивными и опубликованными источниками XVI – первой четверти XVIII в.<sup>4</sup> авторам статьи удалось собрать значительное число удмуртских слов и словосочетаний, относящихся, прежде всего, к

областям антропонимии и топонимии. Выявленный в ходе работы с документальным фондом удмуртский топонимический материал [5], представляющий несомненный научный интерес с позиции его лексико-семантических, фонетико-морфологических, структурных и графических особенностей, и послужил источниковой базой для настоящей публикации.

На основании фактического материала, извлеченного из письменных памятников, можно говорить о том, что в зафиксированной в XVI – первой четверти XVIII в. системе удмуртских топонимов преобладают названия населенных пунктов (ойконимы) и водных объектов (гидронимы). Участвовавшая в их образовании удмуртская апеллятивная лексика достаточно разнообразна. Однако, как показывает собранный материал, принцип называния топообъекта ограничивался определенными обстоятельствами. По замечанию И. И. Муллонен, «топоним образуется и существует не сам по себе, но в рамках определенной системы, по образцам, моделям, используемым в данное время и на данной территории» [18, 204].

Обращает на себя внимание то, что в основе многих выявленных ойконимов лежат гидрографические апеллятивы. К таковым относятся апеллятивы, обозначающие различного рода водоемы, а также термины, называющие части гидрореалий. В ходе работы обнаружены следующие удмуртские апеллятивы-детерминанты, принимавшие участие в формировании названий топообъектов<sup>5</sup>:

**вай** ‘ответвление, развилина; ручей,

<sup>2</sup>Первым памятником удмуртской письменности можно считать опубликованное в 1769 г. четверостишие в честь Екатерины II, торжественно прочитанное императрице удмуртскими учениками Казанской новокрестьянской школы в один из дней ее пребывания в Казани в конце мая 1767 г. [4, 45].

<sup>3</sup>В 1726 г. российский ученый Д. Г. Мессершмидт, возвращаясь из Сибирской экспедиции и проезжая по территории расселения удмуртов, записал около 400 удмуртских слов и выражений [6]. В конце 60-х гг. XVIII в. под руководством архиепископа Казанского и Свияжского Вениамина (В. Г. Пуцек-Григорович) была составлена и в 1775 г. опубликована Академией наук первая грамматика удмуртского языка [7].

<sup>4</sup>В ходе исследования были просмотрены на предмет выявления образцов удмуртской лексики следующие документы: грамота 1511 г. [8, 99], материалы различных писцовых описаний и подворных переписей Каринского стана Вятской земли (1615, 1629, 1646, 1662, 1678, 1701, 1717 гг. [9–16]), и подворной переписи удмуртских сотен Арской дороги Казанского уезда 1716 г. [17]. Значительный объем перечисленных памятников письменности ранее не публиковался и в качестве самостоятельного лингвистического источника рассматривается впервые.

<sup>5</sup>Приводимые в статье примеры оформлены следующим образом: сначала указывается год документа, приводится соответствующий топоним в оригинальной записи (предлоги сохраняются либо (в отношении предполагаемых по умолчанию) восстанавливаются в угловых скобках) удмуртская основа выделяется жирным шрифтом. Далее в круглых скобках указывается лист архивного источника или страница опубликованного документа. В тех случаях, когда в слове имеется пропущенная буква, она восстанавливается в квадратных скобках, варианты записи букв передаются в круглых скобках и разделяются косой чертой.

приток реки': **1710:** поч. *Акваи* (674), поч. *У[и]ваи* (672об.); **1716:** в д. *Караваи Юмье* (735об.), в п-ок *Куловои Учи* (758); **1717:** поч. *Сюрсовои* (176), поч. *Уивои* (160), д. *Ягваи* (173) и др.;

**ву** (в качестве гидроформанта также **ва**) 'вода': **1678:** д. *Порву* (836об.); **1701:** в д. *Порве* (30, 30об., 31, 31об.); **1716:** в д. *Ва Тукле* (696), <из> д. *Ва Тукли* (703об.), в д. *Вавож Можге* (680, 684) и др.;

**вож** 'устье': **1716:** в д. *Вавож Можге* (680, 684), <из> д. *Вавож Можга* (683об.), в д. *Вож Якшур Шудьи* (294об.);

**зарезь** 'море': **1717:** д. *Зариз* (64);

**йыл** 'исток, верховье': **1629:** д. на *Каргулском*<sup>6</sup> *городище* (605об.); **1646:** д. *Кожилка* (577об.); **1678:** д. *Кожильская* (744); **1716:** в д. *Шурилчакъ Кибьи* (479об.); **1717:** поч. *Оил Тупал* (152об.) и др.;

**качка** 'топкое место': **1646:** поч. *Качкашур* (598об.); **1678:** д. *Качкал* (712); **1717:** д. *Качкашурская* (107);

**кожэ** 'омут': **1646:** д. *Кожилка* (577об.); **1678:** д. *Кожилскои* (744); **1701:** из д. *Кожила* (45) и др.;

**ныр** 'коса, отмель': **1701:** поч. *Котныр* (26); **1716:** в д. *Ныршур Вамье* (737), **1717:** д. *Котнырская* (113) и др.;

**нюр** 'болото || болотный': **1710:** поч. *Кеп* и *Нюра* (670об.), в д. *Неудор Котье*<sup>7</sup> (675об.); **1717:** поч. *Нюра* (198об.);

**ошмес** 'источник, родник': **1716:** <из> д. *Ожмес Бодьи* (325об.), в д-ню *Ожмес Докьи* (397), <из> д. *Ожмес Порги* (325об.) и др.;

**шур** 'река': **1646:** поч. *Качкашур* (598об.); **1701:** поч. *Шурскии* (41); **1710:** поч. *Лудошурь* (663об.), д. *Сюшур* (594); поч. *Ягошур* (581об.), д. *Якшур* (618об.); **1716:** в поч. *Барышур* (438об.), в д. *Вишур* (583), в д. *Колошур* (710, 761); **1717:** д. *Сылшурская* (62), д. *Сюшурь* (162), поч. *Чюмошур* (177, 190), поч. *Якшур* (197) и др.;

**ю** уст. 'река': **1701:** поч. *Ю* (22); **1710:** поч. *Ю* (678);

Участвовавшие в образовании ойконимов гидрографические апеллятивы пред-

ставляли собой как продуктивный, так малопроductивный ресурс. Среди них к числу самых употребительных относится апеллятив *шур* 'река'. Следует отметить, что данный детерминант – характерный элемент ойконимии Удмуртии в целом. Развитую систему гидрономинации можно объяснить и неопределимым значением водных источников в жизни человека. Известно, что поселения удмуртов, как правило, рассредоточивались по берегам рек.

В просмотренных письменных источниках имеются названия населенных пунктов, в образовании которых задействованы ойконимические апеллятивы. Как показывает анализ, апеллятив *кар* 'город, городище' в их назывании находится в активной позиции: **1629:** д. *На Каргулском городище* (605об.); **1646:** д. *Каргуньская городища* (560об.); **1678:** д. *Каргурья* (762об, 773об.), **1710:** поч. *Другои Сепичкар* (668); **1716:** в д. *Караваи Юмье* (735об.), в д. *Карашур / Корошур Жикьи* (926); **1717:** д. *Каргурезь* (168об.), д. *Сепычкарская* (111) и др.

С помощью апеллятива *гурт* 'деревня' оформлены многие названия населенных пунктов: **1646:** д. *Шуигурт* (558); **1710:** поч. *Якшагурт* (580об.); **1716:** в д. *Глоигурт* (150); **1717:** поч. *Тюктигурт* (138об.) и др. Ввиду того, что деревни являлись одним из основных типов поселений удмуртов (наряду с починками и погостами), наличие в составе названия апеллятива *гурт* вполне естественно и закономерно.

В свою очередь, участвовавший в образовании названий населенных пунктов ойконимический апеллятив *гучин* 'селище', является менее продуктивным: **1710:** поч. *Судогучин* (634об.), поч. *Судо[г]гучин* (634об.).

В основу ряда ойконимов положены апеллятивы, отражающие особенности природного ландшафта. Активно задействованными в топонимобразовании оказалась орографическая лексика, фиксирующая черты рельефа местности. Ее присутствие в составе топонимов можно проиллюстрировать следующими примерами:

<sup>6</sup> Так в тексте. Современное название местности *Карйыл*. Вероятно, буква *г* появилась вследствие схожести написания с буквой *и* в скорописи XVII в.

<sup>7</sup> Название искажено. Современное название *Нюрдор-Котья*.

**вандэм** ‘порез, порезанное место’: **1716:** в д. **Вандем** (559об.);

**выр** ‘холм, возвышенность’: **1701:** поч. *Лыпскои, что слово Дынвыр* (37об.);

**гурезь** ‘гора’: **1678:** д. **Каргурьзя** (762об., 773об.); **1701:** в д. **Каргурзи** (36об., 37, 40); **1710:** поч. **Ядгурець** (550об.); **1716:** в д. **Гурес Подге** (711, 720) и др.

**яр** ‘обрыв, яр’: **1678:** д. **Гордьяр[р]** (770); **1701:** поч. *Лудоярскои* (23); **1710:** поч. **Ярь** (646об.); **1717:** д. **Красноярская** (77об.), д. **Наярская** (45об.) и др.

Заметной топонимообразующей активностью в рассматриваемый период обладают зоонимические и фитонимические апеллятивы. В формировании названий таких топонимов активно участвуют названия птиц, животных, растений, деревьев. Вместе с тем, выделяя зоонимические и фитонимические апеллятивы в структуре топонимов, необходимо учитывать возможность возникновения последних непосредственно от антропонимов, образованных в свою очередь от названий животных, растений и т. п. В собранных материалах выявлены следующие зоо- и фитонимические апеллятивы, участвующие в образовании ойконимов и гидронимов<sup>8</sup>:

**жсуй** ‘мох, лишайник’: **1710:** поч. *Дзюинь на р. Дзюине* (634об.); **1717:** д. **Дьсюина** (40);

**зури** ‘шершень’: **1646:** д. **Сура** (553); **1678:** д. **Зуринская** (778); **1717:** д. **Зуринская** (166об.);

**зиллэ** ‘овсянка’, ‘зяблик’: **1710:** поч. *Дзиле* (676, 676об.); **1717:** поч. **Дзиле** (165);

**йыды** ‘ячмень || ячменный’: **1710:** д. **Бехтемировская Идигрон** (614); **1716:** в д. **Едигрон** (259); **1717:** д. **Идогринская** (185об.);

**кайсы** ‘клевт’: **1615:** пог. **Кайсин** (520); **1646:** пустошь **Кайсинская** (540);

**кушман** ‘редька’: **1615:** д. на **Кушмане** (525об.); **1678:** д. **Кушманская** (674об.); поч. *Кушманскои* (12об.); **1717:** д. **Кушманская** (75);

**мый** ‘бобр’, ‘выдра’: **1716:** в д. по р. **Муиборе** (134об.), из д. **Муиборы** (145), в

д. **Муиборе** (146об.);

**нюлэс** ‘лес’: **1678:** поч. *Подле Нулсу р.* (722); **1701:** поч. **Нюлос** (20об.); **1716:** поч. *По р. Налашур* (549об.), в д. **Новои Помсе по р. Нолсе** (863, 863об.); **1717:** поч. *Варышский над Нюлсою и Варышем* (126об.);

**пислег** ‘синица’: **1701:** поч. *Пислеглуд* (30); **1710:** поч. *Пислехлуд* (689);

**сизь** ‘дятел’: **1615:** пог. **Сисев** (514об.), **1678:** д. **Сизева** (559); **1716:** в поч. **Сизашур Нырье** (340); **1717:** д. **Сизевская** (2);

**сутэр** ‘смородина’: **1716:** в д. **Сутер** (69об., 72);

**урдо** ‘бурундук || бурундучий’: **1646:** *Над р. Ордошоромь* (604);

**юбер** ‘скворец’: **1678:** поч. *Юберевскои* (647об.); **1701:** за **Юберевскою деревнею** (10об.); **1716:** в д. **Юбрьях** (450); **1717:** д. **Юберевская** (53об.);

**яг** ‘бор || боровой’: **1646:** меж рр. *Сусоваркою да Еговаркою* (556об.); **1678:** д. **Якшурь** (840об.); **1701:** п. **Лудьяг** (33об.); **1710:** поч. *Акваи* (674), поч. **Ягошур** (581об.); **1716:** в д. **Вож Якшур Шудьи** (294об.), д. *По р. Якшур* (355, 378об.), в д. **Егол Чюдьи, Подборное тож** (279) и др.

В письменных источниках зафиксированы населенные пункты, названия которых образованы при помощи апеллятивов, указывающих на их расположение относительно других объектов. В подобной номинации прослеживаются «ориентировочные возможности» географических объектов. Среди них выделяются следующие:

**вылын** ‘на, над’: **1662:** **В(ы/а)лынлуд** (240, 262об.); **1678:** поч. **Вылынлуд** (828); **1710:** поч. **Вылын луд** (620);

**тупал** ‘заречная сторона, заречье’: **1678:** д. **Тупал Порга** (789об.); **1710:** д. **Тупал Порга** (596об.); **1717:** поч. **Оил Тупал** (152об.);

**пум** ‘конец’: **1716:** д. **Лумпумь** (1об.), в д. **Лумпунь на р. Еранде** (787об.);

**ул** ‘низ || нижний’: **1716:** в д. **Ягул Какси** (544об.), в д. **Егол Чюдьи, Подборное тож** (279), <из> д. **Егол Чюдьи, Подборное тож** (282).

<sup>8</sup> В случае с ойконимами пог. *Кайсин*, поч. *Пислеглуд*, пог. *Сисев*, поч. *Юберевскои* весьма велика вероятность происхождения соответствующего названия непосредственно от известных антропонимов *Кайсы*, *Пислег*, *Сизь*, *Юбер*.

В исследованных источниках также выделяется группа топонимов, в основе которых лежат апеллятивы, отражающие характерный признак объекта. Получение географического названия подобным образом можно связать с желанием человека наиболее точно дифференцировать объект среди подобных. Принцип номинации по отличительным признакам объекта является достаточно распространенным. В качестве иллюстративного материала можно привести следующие примеры:

**бадзым** ‘большой’: 1710: поч. *Бучюмшурской* (552об.); 1717: поч. *Будчимшурской* (103);

**вож** ‘зеленый’: 1716: в д. по р. *Вожои / Вожеи / Вожи Шудье / Чюдье* (288, 289, 289об., 292об., 308об.);

**выль** ‘новый’: 1710: поч. *Выльтольянской* (687); 1717: поч. *Выль Толленской* (172об.);

**горд** ‘красный’: 1678: д. *Гордья[r]* (770); 1717: д. *Гордиярская* (152об.);

**жсужгес** ‘более высокий’ (?): 1716: в д. *Жужгесь Пельги* (716об.);

**кот** ‘мокрый, сырой’: 1701: поч. *Котныр* (26); 1717: д. *Котнырская* (113);

**лум** ‘южный’: 1710: поч. *Лумпяевъ* (634); 1716: д. *Лумпумъ* (Юб.), в д. *Лумпунъ на р. Еранде* (787об.); 1717: д. *Лумпоча* (41);

**лысо** ‘хвойный’: 1701: подле *Лысу речку* (31); 1710: поч. *Лысои* (688об.); 1717: поч. *Порва Лысо* (192);

**лыстэм** ‘бесхвойный’: 1716: в д. *Лыстем Можге* (671об.);

**сюрсо** ‘полосатый (?)’: 1646: меж рр. *Сусоваркою да Еговаркою* (556об.); 1701: поч. *Вверх по Сюршевую подле Седишур речку* (40об.); 1717: поч. *Сюрсоваи* (176);

**сьод** ‘черный’: 1701: поч. *Вверх по Сюршевую подле Седишур р.* (40об.); 1716: в д. *По р. Седмурчи* (840, 845об., 847об.).

Среди топонимического материала, извлеченного из письменных источников, присутствуют названия, содержащие апеллятивную лексику, связанную с хозяйственно-бытовой деятельностью человека:

**вуко** ‘мельница || мельничный’: 1716: в д. *Вуки Чюдьи* (273, 273об.);

**выж** ‘мост’: 1716: д. *Лелвыжъ* (58, 112, 114об.);

**гырон** ‘вспашка’: 1710: д. *Бехтемировская Идигрон* (614); 1717: д. *Идогринская* (185об.);

**кор** ‘бревно’: 1701: до р. *Короваи* (48); 1710: поч. *Короваевской* (579); 1716: в д. *Корошур Шудье* (854);

**корсо** ‘колодец, ключ (обнесенный опалубкой)’: 1629: до *Карсы р.* (596);

**чум** ‘клеть, амбар’: 1678: поч. *Чумои* (791об.); 1701: подле р. *Чюмашу[r]* (33), *Подле Чюму р.* (8), 1716: в д. *Лумпун по р. Чюмашор* (771); 1717: поч. *Чумои* (164об.).

Отдельную группу представляют удмуртские ойконимы и гидронимы, образованные от личных имен. При этом в качестве основы названий топообъектов могут выступать как антропонимы, образованные при помощи специальных антропонимических суффиксов (напр.: 1710: поч. *Кутегов* (668); 1717: поч. *Котъгов* (115об.); 1710: на р. *Сумъговке* (602об.); 1701: поч. *Подле р. Чюжеговку* (40), поч. *Чюшекишурской* (24); 1710: поч. *Чюжекишур* (669об.); 1717: поч. *Чюжекишурской* (138об., 199), где *Котег*, *Зумег* и *Чужег* – удмуртские мужские имена, образованные с помощью антропонимического суффикса -эг [19, 41]), так и антропонимы, полностью совпадающие с именами нарицательными (см. прим. 8).

Особое место в удмуртской ойконимии, зафиксированной в документах XVI – первой четверти XVIII в., занимают названия населенных пунктов, в составе которых нашло отражение родовое имя (удм. *выжы ним*) жителей (напр.: 1678: д. *Шудзялут* (804), 1629: д. *Малая Порга* (601), 1716: в д. *Гурес Подге* (711) и др.). Непосредственно само родовое имя (геноним), наследуемое по мужской линии, образовывалось по антропонимической модели: «имя предка» + собирательный суф. -а (в частности: *Шудзя* < *Шудья* < *Шуд(э)й* + -а; *Порга* < *Пор(э)г* + -а; *Под(э)г* + -а, где *Шудэй*, *Порэг*, *Подэг* – удмуртские дохристианские мужские имена) [20, 51–52]. Указанная антропонимическая модель, зародившись, вероятно, еще у языковых предков удмуртов – прапермян, была актуальна вплоть до XVII в., после чего вышла из употребления<sup>9</sup> [21, 20].

Анализ выявленного топонимического

<sup>9</sup> Таким образом, родовые имена донесли до нас реалии (в виде имен родоначальников) удмуртского языка первой половины II тыс. н. э., когда, по-видимому, и возникло большинство удмуртских родов.

материала с точки зрения привлеченных для его образования морфологических категорий показал определенную избирательность в выборе той или иной части речи. Оказалось, что основным обслуживающим ресурсом исследуемой нами топонимической системы являются существительные, прилагательные, числительные. Как показывает материал, в названиях географических объектов в большинстве случаев использованы существительные и прилагательные. Топонимические образования с использованием числительного представлены единично:

**дас** ‘десять’: **1717**: д. *Дасос* (57об.), поч. *Дасос* (143об.);

**кык** ‘два’: **1701**: поч. *Подле р. Кыкву* (32).

В представленных примерах числа в составе топонимов употребляются в точном математическом значении и не имеют этнокультурной коннотации.

Выявленная лексика позволяет выделить ряд словообразовательных формантов. К таковым относятся, к примеру: патронимический суффикс *-а*, участвовавший в образовании названий удмуртских родов (*Порга*, *Юбера*), антропонимический суффикс *-эз* (на р. *Сумтговке*, поч. *Котго*), а также форманты *-ва* (д. *Порва*), *-л-* (в д. *Валодор Юсь*), *-ой* (по р. *Вожои*), *-но* (д. *Лумпоча*), *-зи* (по р. *Луджи*), встречающиеся в составе гидронимов, а также суффиксы образования имен существительных *-ос* (поч. *Дасос*), *-он* (*-ён*) (в д. *Едигрон*, поч. *Вильтольянскои*, д. *Тоилон*), *-эм* (д. *Вандем*), суффиксы образования имен прилагательных *-о* (поч. *Порва Лысо*, поч. *Лудошурь*), *-тэм* (в д. *Лыстем Можге*, в д. *Дындем Бодья*), *-гес* (в д. *Жужгесь Пельги*),

Исторически сложившаяся перманентность культурного обмена между народами естественным образом нашла отражение и на словообразовательном уровне удмуртской топонимической лексики. Поскольку исследуемый материал репрезентирован в документах, составленных на русском языке, правила воспринимающего языка естественным образом отразились на удмуртских словах. Как показывает материал, названия нерусского происхождения адаптировались к суффиксальным моделям образования русской топонимической системы. К примеру, удмуртские названия географических объектов испытали на

себе влияние продуктивной для славянской топонимии модели *-ов-* (*-ев-*), *-ин-*; *-ово/-ево*, *-ино*: поч. *Бурин*, на *Гожаново* *рамень*, поч. *Каусин*, поч. *Сусев*, *Юберево*, поч. *Кутегов*, поч. *Лучино* и др. Активным в образовании русифицированных вариантов удмуртских топонимов выступает и суффикс *-ск-*, также являющийся одним из самых продуктивных в русской топонимии: д. *Идогринская*; д. *Зуриная*, д. *Кожилская*, д. *Качкашурская*, д. *Котнырская*, д. *Кушманская*, д. *Лытская* и др. Незначительный удельный вес при адаптации удмуртских названий географических объектов занимает формант *-ка*, первоначально выражавший уменьшительность: д. *Кожилка*, поч. *Подле р. Чюжеговку*, меж рр. *Сусоваркою* да *Еговаркою*.

Что касается структурных особенностей удмуртских названий географических объектов, в них также прослеживаются определенные закономерности. В письменных памятниках представлены топонимы однокомпонентные (простые), двухкомпонентные (сложные), трехкомпонентные (составные) и, в единичных случаях, четырехкомпонентные. Приведем примеры однокомпонентных (простых) названий: д. *Вандем*, поч. *Дзилье*, д. *Зариз* и др. Примерами двухкомпонентных (сложных) служат следующие географические объекты: д. *Колошур* (*коло* ‘брод, переправа’ + *шур* ‘река’), поч. *Котныр* (*кот* ‘мокрый, сырой’ + *ныр* ‘коса, отмель’), д. *Порву* (*пор* ‘мариец’ + *ву* ‘вода’) и др. В качестве образцов трехкомпонентных (составных) топонимов выступают следующие: д. *Ныршур Вамья* (*ныр* ‘коса, отмель’ + *шур* ‘река’ + *Вамья* – родовое имя), д. *Лек Ожмес Монья* (*лек* ‘злой; крепкий; жгучий’ + *Ожмес* – название речки (*ошмес* ‘родник’) + *Монья* – родовое имя), поч. *Порва Лысо* (*пор* ‘мариец’ + *ву* ‘вода’ + *лысо* ‘хвойный’) и др. Ойконим *Вож Якишур Шудья* (*вож* ‘устье’ + *яг* ‘бор’ + *шур* ‘река’ + *Шудья* – родовое имя) представляет пример четырехкомпонентного топонима. Из представленных структурных типов господствующим являются двухкомпонентные (сложные) и трехкомпонентные (составные) названия географических объектов.

Обращаясь к графике, необходимо рассмотреть и выделить характерные особенности передачи удмуртских звуков составителями документов. По собранному ма-

териалу видно, что звуки, совпадающие в русском и удмуртском языках, переданы соответствующими буквами кириллического алфавита, при этом ряд букв, отражавших ко времени записи одинаковые звуки (*u~i, e~ъ, z~s*), использовались по усмотрению писавшего: <из> д. *Седморчи Биш* / <из> д. *Калмез Биї*, <из> д. *Юберева, Пунса тож* / в д. *Юбрьъве, Пунса тож*, <из> д. *Калмез Сялты* / в д. *Калмесъ Селте* и т. д. Звукосочетание *-кс-* могло передаваться буквой *ѣ*: <из> д. *Вожектем Каѣи*, <из> д. *Аѣак Игры*. В отдельных случаях звук *ч* фиксировался буквой *ц* (в д. *Ядце*, д. *Ошворца*). В письменных памятниках засвидетельствованы примеры спорадических колебаний в написании твердого знака в конце удмуртских топонимов, оканчивающихся на согласный, что объясняется особенностью русской скорописи того периода, когда твердый знак очень часто опускался после предлогов и выносных согласных (д. *Шудсялут* ~ д. *Шудсялуть*, д. *Якиуръ* ~ д. по р. *Якиур*).

Имеющиеся материалы дают информацию о принципах обозначения специфических удмуртских звуков. Они передавались следующим образом: *ö ~ о, ы, е* (в д. *Бодье*, р. *Лып*, подле *Седиур* речку), *ѣ ~ ж, дз, дъс* (в д. *Жужгесъ Пельги*, поч. *Дзюинъ* на р. *Дзюине*, д. *Дъсюина*), *з̣ ~ з, ч, дч, дз, дс*, (<из> д. *Зюмы*, поч. *Бучюмиурской*, поч. *Будчимиурской*, поч. *Дзилъе*, д. *Шудсялуть*), *й̣ ~ ч* (поч. *Судогучин*). Как видим, для передачи собственно удмуртских звуков составителями документов использовались дублетные варианты. Следует также отметить, что в текстах регулярно встречается употребление разных вариантов написания одного и того же слова: д. *Потыр Кушья*, д. *Потыркушья*; пог. *Посхинцы*, пог. *Пасхинцы*; д. *Малые Порги*, д. *Малая Порга* и др. Существование графических вариантов можно объяснить индивидуальным выбором са-

мых составителей документов и отсутствием установленных орфографических правил по отношению к лексемам нерусского происхождения. Рассуждая о графических особенностях удмуртской топонимической лексики, зафиксированной в письменных памятниках на русском языке XVI – первой четверти XVIII в., необходимо помнить о возможных изменениях в написании удмуртских названий, связанных и с издержками переписывания.

Таким образом, мы попытались составить по возможности полный список (который, несомненно, подлежит уточнению) удмуртской апеллятивной лексики, участвовавшей в образовании топонимов. Являясь важным строительным материалом в топонимообразовании, удмуртские апеллятивы отражают разнообразные и глубинные лингвосемантические оттенки. Как показывает материал, в топонимии XVI – первой четверти XVIII в. функционировала развитая система апеллятивов, среди которых встречаются как наиболее продуктивные, так и наименее продуктивные, во многом обусловленные физико-географическими особенностями местности. В целом анализ топонимического материала показывает, что система географических имен была достаточно богатой и развитой. Формирование удмуртской топонимии базировалось на сложившейся к этому периоду системе и правилах образования географических терминов. Не следует исключать и факт обусловленности топонимического материала объективными и субъективными факторами, мировидением и миропониманием человека. Все сказанное выше свидетельствует о том, что фактический материал демонстрирует модели номинации, структурное и семантическое своеобразие топонимов, резервом образования которых служили ресурсы собственного языка.

## Литература

1. Чикобава, А. С. К вопросу о первых текстовых записях по горским иберийско-кавказским языкам [Текст] / А. С. Чикобава // Вопросы языкознания. – 1962. – № 4. – С. 101–103.
2. Тепляшина, Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII века [Текст] / Т. И. Тепляшина. – Вып. 1. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1965. – 324 с.
3. Ившин, Л. М. Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века [Текст] / Л. М. Ившин. – Екатеринбург; Ижевск: УрО РАН, 2010. – 236 с.

4. Духовная церемония, производившаяся во время всевожденнейшего присутствия Ея Императорского Величества Великия Государыни Премудрейшия Монархини и Попечительнейшия Матери Екатерины Вторыя в Казане, с приложенным при том словом о несравненном великодушии Августейшия Императрицы Самодержицы Всероссийския получившия благополучное от прививания оспы выздоровление [Текст]. – СПб. : При Имп. Акад. наук, 1769. – 58 с.

5. Камитова, А. В. Удмуртская лексика в памятниках русской письменности XVI – начала XVIII в. (по данным топонимии) [Текст] / А. В. Камитова, Н. В. Пислегин, В. С. Чураков // Иднакар. – 2015. – № 3 (28). – С. 35–55.

6. Напольских, В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Дневниковые записи, декабрь 1726 г. [Текст] / В. В. Напольских. – Ижевск : Удмуртия, 2001. – 224 с.

7. Сочинения принадлежащие к грамматике вотского языка [Текст]. – СПб. : Императорская Академия наук, 1775. – 113 с.

8. Мусихин, А. Л. Грамоты каринским арским князьям XVI в. – источник по истории Вятской земли [Текст] / А. Л. Мусихин // Вятская земля в прошлом и настоящем. (К 100-летию Вятского государственного гуманитарного университета) – Киров: ВятГГУ, 2014. – Т. II. – С. 92–101.

9. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Д. 1030. – Дозор 1615 г. (Каринский стан).

10. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Д. 39. – Писцовое описание 1629 г. (Каринский стан).

11. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Д. 519. – Подворная перепись 1646 г. (Каринский стан).

12. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Д. 54. – Перепись приставных дворов 1662 г. (Каринский стан).

13. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Д. 339. – Подворная перепись 1678 г. (Каринский стан).

14. РГАДА. – Ф. 141. – Оп. 1. – Д. 170. – Перепись вновь поставленных починков 1701 г. (Каринский стан).

15. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Д. 1034. – Подворная перепись 1710 г. (Каринский стан).

16. РГАДА. – Ф. 350. – Оп. 1. – Д. 371. – Ландратская перепись 1717 г. (Каринский стан).

17. РГАДА. – Ф. 350. – Оп. 1. – Д. 147. – Ландратская перепись 1716 г. (Арская дорога).

18. Муллонен, И. И. Топонимные модели как маркеры формирования этнических территорий [Текст] / И. И. Муллонен // Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований (100-летие завершения издания томов серии «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества»): материалы V международной конференции по исторической географии. – СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. – С. 204–208.

19. Тепляшина Т. И. Антропонимические модели пермских языков [Текст] / Т. И. Тепляшина. – М. : Наука, 1978. – 137 с.

20. Чураков, В. С. Происхождение названий удмуртских родов [Текст] / В. С. Чураков // *Linguistica Uralica*. – Tallinn. – Т. XVI. – 2005. – № 1. – С. 43–57.

21. Чураков, В. С. К проблеме определения времени жизни основателей старейших удмуртских родов-выжы [Текст] / В. С. Чураков // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2013. – № 36 (327). – С. 19–24.

## References

1. Chikobava A. S. *K voprosu o pervyh tekstovyh zapisjah po gorskim iberijsko-kavkazskim jazykam* [To the question about the first text entries for the mountain groups of the Iberian-Caucasian languages]. *Voprosy jazykoznanija* [Problems of linguistics], 1962, no. 4, pp. 101–103.

2. Teplyashina T. I. *Pamjatniki udmurtskoj pis'mennosti XVIII veka* [Monuments of the Udmurt writing of the XVIII century]. Vol. 1. Moscow: Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR Publ, 1965. 324 p.

3. Ivshin L. M. *Stanovlenie i razvitie udmurtskoj grafiki i orfografii v XVIII – pervoj polovine XIX veka* [Formation and development of the Udmurt graphics and orthography in XVIII – first half of XIX century]. Ekaterinburg–Izhevsk: UrO RAN Publ., 2010. 236 p.

4. *Duhovnaja ceremonija, proizvodivshajasja vo vremja vsevozhdennejshago prisudstvija Eja Imperatorskago Velichestva Velikija Gosudaryni Premudrejshija Monarhini i Popечitel'nejshija Materi Ekateriny Vtoryja v Kazane, s prilozhennym pri tom slovom o nesravnennom velikodushii Avgustejschija Imperatricy Samoderzhicy Vserossijskija poluchivshija blagopoluchnoe ot privivanija ospy vyzdorovlenie* [Religious ceremony, carried out during the presence of Her Imperial Majesty the Great Empress Catherine II in Kazan with the speech, pronounced in honor of Great Empress and Autocrat of all the Russias' recovery]. Saint-Petersburg: 1769. 58 p.

5. Kamitova A. V., Pislegin N. V., Churakov V. S. *Udmurtskaja leksika v pamjatnikah russkoj pis'mennosti XVI – nachala XVIII v. (po dannym toponimii)* [The Udmurt lexicon in Russian written monuments of XVI – the beginning of the XVIII century. (According to the toponymy)]. *Idnakar* [Idnakar], 2015, no. 3 (28), pp. 35–55.
6. Napol'skih V. V. *Udmurtskie materialy D. G. Messerschmidta. Dnevnikovye zapisi, dekabr' 1726 g.* [Udmurt materials of D. G. Messerschmidt. Diary entries, December 1726]. Izhevsk: Udmurtia Publ., 2001. 224 p.
7. *Sochinenija prinadlezhashhie k grammatike votskogo jazyka* [Works belonging to the grammar of the Udmurt language]. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1775. 113 p.
8. Musihin A. L. *Gramoty karinskim arskim knjaz'jam XVI v. – istochnik po istorii Vjatskoj zemli* [The charters of XVI century issued to the Arsk Dukes of Karino – the source on the history of Vyatka land]. *Vjatskaja zemlja v proshlom i nastojashhem. (K 100-letiju Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta)* [Vyatka land in the past and present. (On the 100th anniversary of the Vyatka State University of Humanities)]. Vol. II. Kirov: VyatGGU Publ., 2014, pp. 92–101.
9. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian state archive of ancient acts]. F. 1209. Inv. 1. S. 1030. Dozor 1615 g. (Karinskij stan). [census of 1615].
10. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian state archive of ancient acts]. F. 1209. Inv. 1. S. 39. Piscovoe opisanie 1629 g. (Karinskij stan). [census of 1629].
11. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian state archive of ancient acts]. F. 1209. Inv. S. D. 519. Podvornaja perepis' 1646 g. (Karinskij stan). [census of 1646].
12. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian state archive of ancient acts]. F. 1209. Inv. 1. S. 54. Perepis' pristavnyh dvorov 1662 g. (Karinskij stan). [census of 1662].
13. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian state archive of ancient acts]. F. 1209. Inv. 1. S. 339. Podvornaja perepis' 1678 g. (Karinskij stan). [census of 1678].
14. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian state archive of ancient acts]. F. 141. Inv. 1. 1700 g. S. 170. Perepis' vnov'postavlenykh pochinkov 1701 g. (Karinskij stan). [census of 1701].
15. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian state archive of ancient acts]. F. 1209. Inv. 1. S. 1034. Podvornaja perepis' 1710 g. (Karinskij stan). [census of 1710].
16. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian state archive of ancient acts]. F. 350. Inv. 1. S. 371. Landratskaja perepis' 1717 g. (Karinskij stan). [census of 1717].
17. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian state archive of ancient acts]. F. 350. Inv. 1. S. 147. Landratskaja perepis' 1716 g. (Arskaja doroga). [census of 1716].
18. Mullonen I. I. *Toponimnye modeli kak markery formirovanija etnicheskikh territorij* [Toponymic models as markers of formation of ethnic territories]. *Istoricheskaja geografija Rossii: retrospektiva i sovremennost' kompleksnyh regional'nyh issledovanij (100-letie zavershenija izdanija tomov serii «Rossija. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva»)*. *Materialy V mezhdunarodnoj konferencii po istoricheskoj geografii / K.V. Chistjakov (otv. red.)* [Historical geography of Russia: The past and present of the complex regional studies (the 100th anniversary of the completion of the edition of the volumes of the series «Russia. The complete geographical description of our fatherland»). *Materials of the V International Conference on Historical Geography*, Saint-Petersburg: 2015, pp. 204–208. (In Russian).
19. Teplyashina T. I. *Antroponimicheskie modeli permskih jazykov* [Anthroponymic model of Permian languages]. Moscow: Nauka Publ., 1978. 137 p.
20. Churakov V. S. *Proishozhdenie nazvanij udmurtskih rodov* [The origin of the names of the Udmurt clans]. *Linguistica Uralica* [Linguistica Uralica]. Tallinn. Vol. XVI, 2005, no. 1, pp. 43–57.
21. Churakov V. S. *K probleme opredelenija vremeni zhizni osnovatelej starejsih udmurtskih rodov-vyzhy* [On the definition of the lifetime of the oldest Udmurt clan's progenitors]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2013, no. 36 (327), pp. 19–24.